Борис Е. Степанов
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

«Он садовником родился?» *Рецензия на книгу:* Хоффманн Д.Л. (2018) Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939, М.: Новое литературное обозрение

doi: 10.22394/2074-0492-2017-4-271-281

В последнее время внимание историков советского общества сместилось к позднесоветскому периоду, однако эпоха Сталина и сама фигура вождя по-прежнему остаются одним из наиболее значимых объектов исследования[1]. Именно эта эпоха остается пробным камнем для западной и, в частности, американской славистики, которая отказывается от жесткой пейоративной конструкции тоталитаризма и переходит к более гибким моделям, позволяющим видеть в развитии советского общества один из вариантов эволю-

Степанов Борис Евгеньевич — кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований НИУ ВШЭ, доцент Школы культурологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология культуры, советская и постсоветская культура, культура истории, научные коммуникации. E-mail: bstepanov@hse.ru
Boris E. Stepanov — Leading Research Fellow of the Research Centre for Contemporary Culture at Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities and Associate Professor in the School of Cultural Studies, National Research University-Higher School of Economics, PHD in Cultural Studies. Research interests: cultural sociology, soviet and post-soviet culture, historical culture, scholarly communications. E-mail: bstepanov@hse.ru

Рецензия подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

1 Достаточно вспомнить фундаментальные биографии Сталина, опубликованные недавно Стивеном Коткином и Олегом Хлевнюком. Об общих тенденциях в тематике журнальных публикаций см. [Савельева, Полетаев, 2010].

ции общества модерна, а в советском человеке — не просто объект идеологических манипуляций или жертву террора, но обладателя своеобразной субъективности.

В 1990-е годы внутри этого ревизионистского направления наметился раскол, связанный с интерпретацией природы советской модернизации. В то время как «неотрадиционалисты» связывали советский проект с возвращением к архаическим культурным и политическим формам, «модернисты» обращали внимание на «значение планирования и научных принципов социальной организации, социальной заботы и техник массового надзора, с одной стороны, и коллективного, и индивидуального дисциплинирования, с другой» [Fitzpatrick, 1999, p. 11] (более подробно об этом в [Дэвид-Фокс, 2016]).

Ярким образцом этого последнего подхода выступает книга профессора Университета Огайо Дэвида Л. Хоффманна, русский перевод которой вышел в издательстве «Новое литературное обозрение». Ее автор входит в число ведущих специалистов по этой теме, выпустил нескольких монографий, редактировал сборники по истории сталинского общества, в частности, выпущенный издательством «Blackwell» компендиум «Stalinism: The Essential Readings». В числе коллег, которым в предисловии Хоффманн выносит благодарности, присутствуют чуть ли не все авторитетные слависты, занимающиеся изучением сталинского общества, — от Шейлы Фитцпатрик до Олега Хлевнюка.

Отправной точкой для Хоффманна становится критика представления об уникальном характере и обособленности советского общества. Исследуя его развитие сквозь призму социальной политики, американский исследователь показывает, что управление советским обществом опиралось не только на идеологию построения коммунизма и репрессивные практики. В значительной степени его подпитывал «рационалистический дух социального вмешательства», под воздействием которого происходило формирование всех современных государств. Таким образом, вслед за Мишелем Фуко и Джеймсом Скоттом Хоффманн стремится увидеть в российской и советской истории процесс становления дисциплинарных практик и включения населения «в более экономичные и эффективные системы контроля» [Хоффманн, 2018, с. 39]. Для этого американский историк прибегает к реконструкции того, как формировалась идеология регулирования повседневной жизни общества, движимая заботой об обеспечении воспроизводства населения. Обнаруживая истоки этой идеологии в концепции полицейского государства, которая разрабатывалась в XVIII веке камералистами, он затем прослеживает, каким образом она стала движущей силой развития социальных наук и была положена

в основу практики управления (массовым) обществом. Новые дисциплины — статистика, социология, демография, эпидемиология, криминология и другие — были востребованы в ходе формирования соответствующих программ социальной защиты и вместе с тем технологий социального контроля, необходимость которых была связана с процессами индустриализации и урбанизации. Мощный толчок внедрению технологий социального регулирования и формированию систем социальной защиты и в европейских странах, и в России дали трагические события Первой мировой войны.

Отталкиваясь от описанного выше общеисторического контекста, Хоффманн в соответствующих главах показывает, как принципы общественной заботы и контроля воплощались в различных сферах социальной жизни: здравоохранении, репродуктивной политике, сфере политического надзора и пропаганды и государственного насилия. Рассматривая историю советского общества в горизонте модерности, Хоффманн обнаруживает отношения преемственности, существовавшие между развитием системы социального обеспечения в западных, прежде всего европейских странах, с одной стороны, и Российской империей, а затем и Советским Союзом — с другой. В некоторых случаях, как, например, в случае здравоохранения и физкультуры, близость советских принципов к модерному опыту определялась интересом и вниманием к западным образцам.

Так, например, описывая развитие физкультуры в СССР, автор книги объясняет нарастание ее военизированного характера не только растущей милитаризацией общества в целом, но «влиянием иностранных физкультурных программ» [с. 160]. С другой стороны, советский контекст оказывался во многом гораздо более благоприятной средой для реализации идеи социального обеспечения. Прежде всего это было связано с антикапиталистической направленностью советской идеологии, которая создавала почву для сотрудничества власти и интеллигенции вопреки их политическим разногласиям. Представители власти были заинтересованы в освоении модерных концепций и технологий, разрабатывавшихся социальными учеными, а социальные ученые, расходясь с властями в представлениях о путях развития страны, были готовы сотрудничать с ними на почве совершенствования общества и заботы о простых людях [с. 27, 75].

Активное привлечение компаративной перспективы позволяет Дэвиду Хоффманну продемонстрировать место российских концепций и программ социального обеспечения в международном контексте. Например, демонстрация того, что теоретики и создатели российского здравоохранения, в отличие от их коллег в Германии и некоторых других стран, гораздо больше внимания уделяли социальным факторам, оказывается важной и для уточнения харак-

тера взаимоотношений между принципами организации общества и идеологией системы здравоохранения. Вопреки распространенному мнению об ориентации авторитарных режимов на карантинные методы предупреждения развития эпидемий Хоффманн вслед за Питером Болдуином показывает, что советские медики гораздо более важными считали методы улучшения среды. Это сближало Россию не с европейскими, а с развивающимися странами — Турцией, Ираном, Мексикой, где медики также ориентировались на идеологию социальной трансформации и равенства [с. 121–123; 138–140].

Сказанное выше позволяет зафиксировать очевидные достоинства рецензируемой книги. Обобщая существующий на момент ее выхода корпус исследований позднеимперской и раннесоветской культуры, Хоффманн рассматривает имеющиеся данные в еще более широкой транснациональной перспективе. Благодаря этому появляется возможность не только по-новому определить место советского строя в ряду модернизирующихся обществ, но и выявить его модернистскую природу, анализируя разные ипостаси деятельности советского государства как государства полицейского во всем диапазоне его вмешательства в жизнь граждан: начиная от заботы о гражданах в сфере социального обеспечения, здравоохранения и репродуктивной политики и заканчивая полицейским надзором и государственным насилием. Причем пафос автора связан с выявлением неоднородного характера отношений между носителями знания и власть предержащими, разнообразия сочетаний общих идеологических установок и конкретных интеллектуальных диспозиций в соответствующих сферах социальной работы[1].

Однако эта стратегия обнаруживает и свои издержки. Прежде всего речь идет о композиционных особенностях книги: задачи создания синтетической картины превалируют над описанием и анализом источников[2], а также над задачами критики альтернативных точек зрения; полемику с оппонентами автор по-настоящему разворачивает только в заключение своей работы.

Однако главная проблема связана с содержательными аспектами построения целостной характеристики сталинизма как модер-

1 Некоторым диссонансом в этой перспективе выглядят встречающиеся в тексте противопоставления идеологизированной социальной политики в СССР некой нейтральной технократической политике в западных странах [Хоффманн, 2018, с. 100, 137].

2 Тексты источников фигурируют здесь преимущественно в качестве примеров. Что касается ссылок на архивные фонды в конце книги, то они не включают в себя описания документов, на которые автор ссылается, а только лишь их архивные реквизиты.

нистского проекта, который лежит в основе книги Хоффманна. Ее начало сконструировано вполне по-фукиански, отправной точкой выступает столкновение двух противоречащих друг другу образов. В качестве эпиграфов автором выбраны цитаты из текстов Макаренко и Сталина, описывающие воспитание детей и управление обществом как садоводство[1]. Образ возделывания сада, раскрывающий суть названия книги — «Культивируя массы», выражает позитивный посыл идеологии социальной заботы. При этом сам текст начинается с констатации того, что сталинский режим был одним из самых жестоких в истории.

Эта двойственность разворачивается в структуре книги: описывая в первых главах становление практик социального обеспечения и здравоохранения (они в определенном смысле воплощали успехи советского государства в реализации идеи социальной работы), автор затем характеризует и мрачную изнанку советского строя, связанную с практиками политического надзора и пропаганды и государственного насилия, которые стали средством реализации проекта формирования «нового советского человека». Основываясь на широком понимании идеи «социальной заботы», автор выигрывает в концептуальной гибкости, но проигрывает в логической четкости. В книге Хоффманна мы не находим достаточно четкого определения объекта исследования. Он идентифицируется при помощи таких достаточно разнородных определений, как «государственное вмешательство» (social interventionism) [с. 16], «преобразование общества» (reshaping society) [с. 22], «социальное обеспечение» (social welfare) [с. 34].

В книге в той или иной степени затрагиваются самые разные формы социальной работы, от пенсий до организации клубов и домов культуры, от обучения гигиене до паспортизации, однако то, каким образом автором понимается соотношение обозначенных сфер, а также чем обоснована та или иная степень подробности их рассмотрения, остается для читателя не вполне очевидными. В частности, остается неясным почему в книге столь бегло рассматриваются жилищная политика, массовое образование и различные системы распределения социальных благ. Вместе с тем объединение под «шапкой» политического надзора таких разнородных явлений, как слежка и перлюстрации, с одной стороны, и политическое просвещение и пропаганда, с другой, также требовало бы дополнительного обоснования.

1 О бытовании этого образа в культуре того времени см. [Архипова, Мельниченко, 2010, с. 163]

Изучая становление программ социального обеспечения, здравоохранения и репродуктивного здоровья, автор в соответствии с задачами построения синтетической картины рассматривает их историю сквозь призму законодательных актов, рамочных деклараций ученых и функционирования институтов. При этом он с разной степенью подробности говорит об их эффективности, а также о противоречиях в реализации этих программ. Более того, создается впечатления, что, даже описывая противоречивость советской социальной политики, автор в большей степени обращает внимание на действия властей, которые соответствовали позитивным задачам социальной работы, чем на те меры, которые явно противоречили декларируемым целям.

Так, например, описывая двойственный характер советского гендерного контракта, поощрявшего соединение ролей матери и работницы, Хоффманн упоминает о принятии в 1936 году закона, гарантировавшего беременной женщине возможность трудоустройства и сохранение заработной платы [Хоффманн, 2018, с. 198]. При этом он не упоминает о законе 1938 года, согласно которому до — и послеродовой отпуск сокращался с 16 до 9 недель [Градскова, 2007, с. 245][1]. В современной научной литературе существует целый ряд работ, которые рассматривают советскую социальную политику с точки зрения масштабов подобных негативных мер, и в этом смысле они заслуживали бы критического обсуждения в рецензируемой книге[2].

Однако еще более очевидными отмеченные противоречия становятся в связи с интерпретацией государственного насилия, которое выступает одним из ключевых пунктов в дискуссии о природе сталинского общества. Работа Хоффманна [2018, с. 365] достаточно репрезентативна с точки зрения стремления исследователей историзировать «Большой террор», обнаружить в нем констелляцию различных процессов, отметить диверсификацию различных типов насилия. Происхождение советских репрессий исследователь связывает с характерными для модернистского государства идеями

1 Есть в книге и фактические неточности. Так, например, Хоффманн [2018, с. 197]. пишет о том, что в 1927 году «советские законы гарантировали женщинам восемь недель декретного отпуска перед родами и после них». Между тем это касалось только работниц предприятий, в то время как целый ряд категорий, в том числе крестьянки, женщины, занимавшиеся торговлей, и некоторые другие, не имели такого права [Лебина, Романов, Ярская-Смирнова, 2007, с. 53].

2 Достаточно вспомнить книгу М. Мееровича «Наказание жилищем» [Мееровичь, 2008], в которой дана развернутая аргументация тезиса о поддержании и использовании жилищного дефицита как доминанте жилищной политике в СССР.

преобразования общества и практиками отсекающего насилия, основанными на идее изоляции «нежелательных элементов».

Генеральная линия рассуждений Хоффманна здесь, таким образом, опять-таки направлена на то, чтобы показать, каким образом интеллектуальное наследие модерна, воплотившееся в чрезвычайных условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, сформировало те инструменты, которые были использованы советской властью в процессе строительства нового общества. В частности, здесь возникает любопытная параллель между западными колониями и окраинами российской империи: и те, и другие, согласно Хоффманну, выступали полигонами применения новых практик силового принуждения. Нюансированная картина становления системы государственного насилия наглядно показывает те сдвиги и мутации, которые стали причиной формирования огромной репрессивной системы и привели к «Большому террору».

Развивая идею о модернистской природе советского строя, Хоффманн подчеркивает, что сама реализация массового насилия была бы невозможна без соответствующего аппарата, без профессионализации и бюрократизации, причем образцом для руководителей ОГПУ были европейские полицейские силы [с. 365–367]. Американский исследователь подчеркивает, что импульсы для становления советского полицейского аппарата были не только идеологическими, но и прагматическими. Этот аппарат был необходим для того, чтобы справиться с последствиями коллективизации, породившей массовый отток населения из деревни в город. Важнейшим аспектом его функционирования стала паспортизация, реализация которой стала возможна благодаря появлению систем учета, положенных в основу полицейских каталогов и картотек[1].

Однако необходимость справиться с социальным кризисом, порожденным коллективизацией, была не единственным фактором формирования репрессивного аппарата. В качестве другого фактора его формирования Хоффманн называет кристаллизацию сталинской политической системы, идеологической основой которой стала концепция единого социального тела. Стремление советского руководства добиться высокой степени единства этого тела (Хоффманн описывает его с помощью понятий «хилиазм» и «прометеизм») стало идеологическим импульсом для чисток, направленных на окончательное искоренение социально чуждых элементов. Кро-

1 Показательно, что Хоффманн стремится использовать подчеркнуто нейтральный язык описания (так, например, «Большой террор» описывается здесь при помощи понятия «массовые операции», «технологии отсечения» и т. д.).

ме того, у этого стремления были и прагматические мотивы, связанные с задачами уничтожения «пятой колонны» в перспективе грядущей войны[1].

В отличие от разделов о здравоохранении и репродуктивном здоровье здесь перед нами уже не только рефлексия над идеологическими основаниями социальной работы (пусть и в транснациональной перспективе), но опыт социально-исторического синтеза. Изображение советского государственного насилия здесь становится рельефным, а его связь с рациональностью обнаруживает двойственный характер. Хоффманн здесь не только пишет о значении достижений социальных наук для становления полицейского аппарата[2], но также неоднократно отмечает разрыв между теорией и практикой, указывающий на то, что репрессии не были полностью рациональным и управляемым процессом [с. 325–328; 350–351; 405].

Тема репрессий для книги является рамочной: текст начинается с упоминания о репрессиях, а заканчивается фразой о страданиях жертв системы[3]. Однако сама логика выявления модерных оснований сталинского общества, похоже, побуждает подчеркивать рациональный и технический характер того, что происходило. Свидетельством этого можно считать некоторые формулировки, которые призваны зафиксировать то, что жизнь в сталинском СССР в определенном смысле все же оставалась в рамках социальной нормальности. Так, описывая формирование советской идеологии, американский исследователь пишет: «Тем гражданам, которые делали выбор в пользу официальных ценностей, СССР давал возможность самореализации, позволяя избежать конкуренции и отчуждения, свойственных капиталистической системе, и принять участие в выполнении исторической задачи построения социализма, а также развить лучшие качества в самих себе» с. 307–308].

Указывая на позитивное качество советского строя с точки зрения саморазвития человека, это высказывание скрадывает тот факт, что идеологический выбор совершенно не гарантировал безопасности человека. Подобные же вопросы возникают и в связи с неко-

1 В заключение этого раздела Хоффманн обращается к сравнительной характеристике советской и нацистской системы государственного насилия, связывая специфику первого как со слабостью российского государства, так и со специфическим универсализмом советского проекта [с. 393].

2 Впрочем, здесь эта связь не так очевидна, как в предшествующих главах. Более наглядно об интеллектуальной инфраструктуре советского государственного насилия см. в [Holquist, 2003].

3 Некоторые комментаторы проводят в связи с этим параллель между этой концепцией и идеями З. Баумана о том, что Холокост был логическим следствием проекта модерна [Beer, 2003, p.202–203; Smith, 2013, p. 1691].

торыми характеристиками репрессий. Примером может быть следующая констатация того, что репрессии имели в определенном смысле логичный и целесообразный характер: «Тайная полиция, казнившая сравнительно немного людей в годы коллективизации и куда большее их число в годы массовых операций, убила лишь тех, кого считала неисправимыми» [с. 394]. Эта же идея проскальзывает и в критике понимания репрессий как террора: «Государственное насилие конца 1930-х годов отнюдь не было произвольным и не имело задачи терроризировать население. Аресты и казни проводились тайно, и задачей их было уничтожить врагов, а не напугать народ и принудить его к покорности. Другими словами, эти действия не являлись показательным насилием, направленным на терроризирование населения» [с. 365].

Эта формулировка показательна не только в том отношении, что Хоффманн обходит вниманием показательные политические процессы над врагами народа. Она высвечивает и границы «рационалистической» интерпретации репрессий. Автор связывает раскручивание маховика репрессий с «модерными полицейскими практиками»: «страх перед врагами народа и работа по их каталогизации укрепляли друг друга: чем больше статистики собирало советское руководство, тем больше в его распоряжении данных, подтверждающих эту угрозу» [с. 380]. Однако вряд ли можно считать эту формулировку достаточным объяснением чрезмерности количества жертв репрессий, строившихся не только на рациональных практиках каталогизации (и подражании западноевропейским образцам), но и на других следственных процедурах, имевших *насильственный* характер и связанных с принуждением к оговариванию себя и других людей и т. д.

Книга Хоффманна, во многих отношениях замечательная и знакомящая нас с современным состоянием исследований тоталитарного общества, показывает, что дилемма тоталитаризм — модерность в анализе сталинского периода сохраняет свою актуальность. Разумеется, нельзя не приветствовать разработку более сложных и взвешенных интерпретаций нашего трагического прошлого. Однако при этом понятие «тоталитаризм» указывает на пределы нормализации этого опыта, на иррациональность зла, которое при этом стремится мимикрировать под современные правовые и рациональные процедуры[1].

Современному российскому читателю эти формы управления известны не понаслышке. Памятью о них он обязан не только книгам и фильмам, музейным экспозициям и историческим трудам,

1 О логических противоречиях критики концепции тоталитаризма см. [Гудков, 2004].

посвященным той эпохе, но и некоторым акциям российских властей, напоминающим про «черные фары у соседних ворот» и про то, что от правосудия сегодня ни один человек по-настоящему не застрахован.

Библиография

Архипова А., Мельниченко М. (2010) *Анекдоты о Сталине. Тексты, комментарии, исследования,* М.: ОГИ; РГГУ.

Градскова Ю. (2007) Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы. П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность,* М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ: 242–261.

Гудков Л.Д. (2004) Тоталитаризм как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия. *Негативная идентичность,* М.: Новое литературное обозрение: 362–447.

Дэвид-Фокс М. (2016) Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? *Новое литературное обозрение*, (4): 19–45.

Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. (2007) Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы. П. Романов, Е. Ярская — Смирнова (ред.) *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность,* М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ: 21–67.

Меерович М.Г. (2008) *Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937,* М.: РОССПЭН.

Савельева И.М., Полетаев А.В. (2010) Российские историки в зарубежных журналах. *Диалог со временем,* (32): 5–21.

Beer D. (2008) *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Fitzpatrick Sh. (1999) Introduction. Sh. Fitzpatrick (ed.) *Stalinism: New Directions*, London: Routledge: 1–14.

Holquist P. (2003) State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism. D. Hoffmann (ed.). *Stalinism: The Essential Readings*, Oxford: Blackwell Publishing: 128–156.

Smith S. (2013) Introduction: Reflections on Villains, Victims and Violence. *Europe-Asia Studies*, 65 (9): 1691–1699.

References

Arhipova A., Mel'nichenko M. (2010) *Anekdoty o Staline. Teksty, kommentarii, issledovaniya [Anecdotes about Stalin. Texts, comments, research],* M.: OGI; RGGU.

Beer D. (2008) *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930,* Ithaca, NY: Cornell University Press.

David-Fox M. (2016) Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletennaia? [Modernity in Rusiia and USSR: absent, common, alternative or intertwined?]. *Novoe literaturnoe obozrenie,* (4):19–45.

Fitzpatrick Sh. (1999) Introduction. Sh. Fitzpatrick (ed.) *Stalinism: New Directions,* London: Routledge: 1–14.

Gradskova Iu. (2007) Kul'turnost', gigiena i gender: sovetizatsiia "materinstva" v Rossii v 1920–1930-e gody (Culturnost', hygiene and gender: sovietization of motherhood in Russia 1920s–1930s). P. Romanov, E. Iarskaya-Smirnova (eds). *Sovetskaia sotsial'naia politika 1920–1930-kh godov: ideologiia i povsednevnost' [Soviet welfare: ideology and everyday life],* M.: OOO "Variant", CSPGS: 242–261.

Gudkov L.D. (2004) *Totalitarizm kak teoreticheskaia ramka: popytki revizii spornogo poniatia. Negativnaia identichnost' [Negative identity],* M.: Novoe literaturnoe obozrenie: 362–447.

Hoffmann D. L. (2018) *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm. 1914–1939 [Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939],* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Holquist P. (2003) State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism. D. Hoffmann (ed.). *Stalinism: The Essential Readings*, Oxford: Blackwell Publishing: 128–156.

Lebina N., Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (2007) Zabota i kontrol': sotsial'naia politika v sovetskoi deistvitel'nosti, 1917–1930-e gody [Care and control: Welfare policy in Soviet reality, 1917–1930s] P. Romanov, E. Iarskaya-Smirnova (eds). *Sovetskaia sotsial'naia politika 1920–1930-kh godov: ideologiia i povsednevnost' [Soviet welfare: ideology and everyday life],* M.: OOO "Variant", CSPGS: 21–67.

Meerovich M. G. (2008) *Nakazanie zhilishchem: Zhilishchnaia politika v SSSR kak sredstvo upravleniia liud'mi. 1917–1937. [Punishment by dwelling: Housing policy in the USSR as a means of managing people]*, Moscow: ROSSPEN.

Savel'eva I. M., Poletaev A. V. (2010) Rossiiskie istoriki v zarubezhnykh zhurnalakh [Russian historians in foreign journals]. *Dialog so vremenem,* (32): 5–21.

Smith S. (2013) Introduction: Reflections on Villains, Victims and Violence. *Europe-Asia Studies*, 65 (9): 1691–1699.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Степанов Б.Е. (2017) «Он садовником родился?» *Рецензия на книгу*: Хоффманн Д.Л. (2018) Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939; пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение. *Социология власти*, 29 (4): 271–281.

Stepanov B.E. "On sadovnikom rodilsya?" ("Was He Born A Gardener?"). *Review:* Hoffmann D.L. (2018) Vzraschivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm. 1914–1939 (Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism. 1914–1939). M.: Novoe literaturnoe obozrenie. *Sociology of Power*, 29 (4): 271–281.

Поступила в редакцию: 22.12.2017; принята в печать: 24.12.2017